

КОЕ-ЧТО МЕНЯЕТСЯ И В АМЕРИКЕ

Борис ИЗАКОВ

Недавно писатель Борис Изаков в качестве корреспондента АПН побывал в Соединенных Штатах Америки. Мы попросили его поделиться своими впечатлениями.

В ТЕАТРЕ

БРУКСА АТКИНСОНА

Серый, как болотный туман, задник. На нем — экран, на который аппарат проецирует кадры военной кинохроники: маршируют батальоны, ползут танки, горят села, дымятся развалины Сталинграда. Магнитофон воспроизводит хриплый голос нацистского фюрера. Актеры то появляются в сценах яркого, безжалостного света, то исчезают в густой тени... Идет спектакль «Почтовый штемпель ноль» в Театре Брукса Аткинсона на 47-й улице Нью-Йорка.

Нацистская цензура не доставила адресатам последних писем солдат и офицеров окруженной в Сталинграде 6-й армии Гитлера: цензоры нашли, что они повредят моральному состоянию германского тыла. Их отправили в архив и хранили много лет с чисто немецкой аккуратностью. Недавно они опубликованы отдельным томом. Молодой американский драматург Роберт Немирофф смонтировал эти письма, талантливый режиссер Питер Касс дал им сценическую жизнь. Письма читаются со сцены целиком и в выдержках; некоторые в перебивку, — это создает впечатление диалога.

В спектакль смонтированы выдержки из советской печати военного времени. Молодая мать рассказывает, как у нее на глазах рассерелись дочь и как она сама, истекая кровью, с трудом выбралась из-под груды трупов.

Я сижу в зрительном зале, в памяти возникают картины войны, перехватывает дыхание. На экране пылает русская изба. И вдруг за моей спиной мужской голос отчетливо произносит слово, одно только слово, от которого, точно электрический ток, проходит по рядам зрителей:

— Вьетнам!

Я воспринял спектакль как отголосок прошлого, этот американец — как эхо настоящего.

Нет, это не натяжка. Именно так поняла спектакль «Почтовый штемпель ноль» и критика. Известный критик Говард Таубмен, рецензент «Нью-Йорк таймс», писал: «Последние письма офицеров и солдат 6-й армии нацистской Германии, окруженной и разбитой в сталинградском аду, звучат как неумолчный, беспощадный режиссер по агрессорам и захватчикам везде и повсюду...

Мистер Немирофф, конечно, указывает обвиняющим перстом не только на немцев...».

Где-то на втором плане война во Вьетнаме все время присутствует сегодня в сознании американцев, хотя и не все они отдают себе в этом отчет. Я побывал во многих американских домах, у людей самого различного общественного положения и образа мысли; могу засвидетельствовать — в любой компании разговор в конце концов переходит на войну во Вьетнаме. И тут разгораются острые споры.

До зимы прошлого года, то есть до начала так называемой «эскалации», значительная часть американцев вообще понятия не имела об этой необъявленной войне. Теперь о ней знают все. Даже сторонники «эскалации» признают, что это непопулярная война.

Правительственный лагерь пытается создать впечатление, будто эта война Соединенным Штатам ничем. «Вы не заметите у нас и следов войны», — с каким-то вызовом сказал мне видный обозреватель. Он ошибся: за фасадом американского благополучия я все время видел признак жестокой и бесперспективной войны. «Эскалация» нарастает и принимает все более опасный характер.

Реакционеры пытаются вызвать атмосферу военной истерии. Сегодня заметно возросла — особенно на юге страны — активность ультрареакционных и расистских организаций типа «Общества Джона Бёрча» и ку-клукс-клана. Бёрчисты недавно объявили, что в одном лишь городе Бирмингеме имеют свыше ста ячеек. Нельзя сбрасывать со счетов и влияние таких демагогов, как Голдуотер на Западе или Банкли в Нью-Йорке; хотя и тот, и другой провалились на выборах, за них было подано внушительное число голосов. Фашиствующие «ультра» пользуются неограниченной финансовой поддержкой из неведомых источников, а в Америке деньги могут сделать многое.

Но растет и противодействие. Борьба демократических и реакционных сил не прекращалась на протяжении всей истории США. Сегодня борьба эта стала особенно напряженной. В центре ее — отношение к войне во Вьетнаме.

«ДЕЛО» ПРОФЕССОРА

ДЖЕНОВЕЗЕ

Никто не может оспаривать тот факт, что правительственному лагерь так и не удалось поднять волну военного психоза. Провалялись и попытки реакции развернуть травлю активных борцов против войны. Заслуживает в этой связи внимания «дело» профессора Дженовезе.

Профессор Ратджерского университета Дженовезе сделал на публичном студенческом диспуте («вич-ин») смелое заявление. Он сказал, что приветствовал бы победу вьетнамских патриотов. Реакционеры всех оттенков — от бывшего вице-президента Никсона до откровенных бёрчистов — подняли несусветную шумиху. «Наших детей учат враги нации», — кричали они, настаивая на увольнении мужественного профессора. В свое время этого было бы достаточно, чтобы его прогнали из университета с волчьим билетом. Теперь совет попечителей отказался его уволить.

Ратджерский университет субсидируется штатом Нью-Джерси, и реакционеры потребовали вмешательства губернатора штата Хьюза, представителя демократической партии. Хьюз стал на сторону совета попечителей. Все это происходило в разгар предвыборной кампании, и кандидат республиканской партии на пост губернатора Дюмон обрушился на Хьюза, сделал инцидент с Дженовезе своим главным козырем. В итоге Хьюз собрал на выборах огромное большинство голосов, а Дюмон провалился. Еще недавно такой исход схватки был бы немислимым.

Большой отпечаток на все, что происходит сегодня в США, накладывает борьба негритянского населения за гражданские права и человеческое существование. Пять детей, в течение которых этим летом происходили уличные схватки в негритянском гетто Лос-Анжелоса, оставили глубокий след в сознании американских негров. Все мои собеседники утверждали в один голос, что, хотя лос-анжелосские события обогнали местному негритянскому населению недешево, они его не деморализовали, а, напротив, наставили поверить в свою силу. У негров сейчас необычайно вели-

ка тяга к созданию своих организаций; организации эти растут, как грибы после дождя, повсюду, хотя чаще всего еще не имеют ясной программы.

Совершенно новая черта американской действительности — студенческое движение за гражданские права, за мир во Вьетнаме. Пусть в нем участвует пока лишь меньшинство студентов, — это влиятельное меньшинство. Военно-учетные билеты демонстративно игнут лишь единицы, но попытки уклониться от призыва на военную службу стали среди студенчества явлением массовым. Студенческие городки («кампусы») при университетах стали ареной дискуссий, митингов, демонстраций, контрдемонстраций. Те, кого еще недавно называли «молчаливым поколением», заговорили так громко, что к ним начала прислушиваться вся страна.

Заметно возросло влияние интеллигенции в общественно-политической жизни. В Америке издавна культивировалось презрительное и подозрительное отношение к интеллигентам (им присвоили кличку «айдеологов»); следы такого отношения сказывались и в литературе, и в искусстве. В годы маккартистской реакции поносить и тригировать интеллигенцию считалось хорошим тоном. Но времена изменились. Почувствовав поддержку передовой молодежи, интеллигенция осмелела.

ОНИ И МЫ

В сознании людей происходят известные сдвиги. Еще преждевременно говорить о широкой переоценке ценностей, но некоторые представления постепенно меняются. Мне это особенно ощутимо: я побывал в Соединенных Штатах в качестве корреспондента почти два десятилетия назад — в 1946 и 1947 годах, потом — в 1955 году как участник первой делегации советских журналистов.

В послевоенные годы отношение рядовых американцев к советским людям было, как правило, теплым; союзники военного времени отдавали дань героизму советского народа. Однако к теплоте примешивалась изрядная доза снисходительности. Если выразить словами всю сложную гамму чувств моих тогдашних со-

беседников, эти слова звучали бы примерно так: «Вы, русские, конечно, храбрые ребята и показали, что умеете драться, но до Америки с ее наукой и техникой вам еще очень, очень далеко».

Вместе с тем уже в те годы на американской почве насаждались сверху ростки холодной войны. Потом холодная война разгорелась вовсю. Говорить с симпатией и дружкой о Советском Союзе значило идти на то, что тебя объявят «антиамериканцем» со всеми вытекающими отсюда роковыми последствиями. Даже держать дома литературу, объективно описывающую советскую действительность, стало опасным; некоторые мои американские знакомые с тяжелым чувством вспоминают о «маленьких личных кострах» у себя на заднем дворе, на которых они жгли свои книги.

Шли годы. Развитие мировых событий, и прежде всего успехи нашей промышленности, науки и техники в соединении с миролюбивой внешней политикой Советского Союза, — все это не могло не получить отражение и по ту сторону Атлантики. Но десять лет назад в США льдины холодной войны только еще начинали подтаивать. Я не забыл, например, как изорадовствовал чиновник государственного департамента, писавший нас о том, что с нашей журналистской делегацией не желают встречаться руководители профсоюзов. Действительно, политика лидеров Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов заключалась в прямом непризнании СССР и всего советского.

Находясь теперь в Вашингтоне, я выразил пожелание посетить Объединенный союз рабочих автомобильной, авиакосмической промышленности и сельскохозяйственного машиностроения — один из крупнейших профсоюзов США, насчитывающий 1 400 000 членов. Приглашение последовало незамедлительно. Меня принял руководитель Международного департамента Виктор Рейтер, помощник (и брат) председателя союза Уолтера Рейтера. Виктор Рейтер подробно ознакомил меня с деятельностью профсоюза. Он сказал (и разрешил процитировать его слова в печати), что ряд профсоюзов США стоит на пороге поворота в своих отношениях с советскими профсоюзами и что соответствующие решения, по

всей вероятности, будут приняты в недалеком будущем.

В США знают теперь нашу мощь, считаются с ней и относятся к Советскому Союзу с подобающим уважением. В посольство СССР в Вашингтоне, в редакцию журнала «Совет лайф» («Советская жизнь») течет непрерывный поток писем от рядовых американцев. Очень многие хотели бы дальнейшего развития советско-американских отношений, но эти отношения заморожены в результате войны США против народа Вьетнама.

ОШАЛЕВШИЙ АВТОБУС...

Подводя итоги, мне кажется, что за последние годы очень углубился разрыв между политикой правящих кругов США, в частности их внешней политикой, и устремлениями широких слоев американского народа. Правительство Джонсона, превратившее схватку в Юго-Восточной Азии в вопрос своего престижа, с каждым днем все больше становится правительством войны.

Немного требуется, чтобы война, непопулярная среди американцев сегодня, стала для них ненавистной завтра.

...Когда я думаю о неделях, проведенных сейчас в Америке, у меня в памяти возникают бесконечные автострады, перескакивающие страду в разных направлениях. Это отличные дороги, и автомобиль мчится по ним с головокружительной скоростью. Но человек, сидящий за рулем, не имеет возможности оглянуться по сторонам: глаза его прикованы к машине, бегущей вперед, и к зеркальцу, в котором отражается та, что несется позади. «Есть что-то бесчеловечное в этой стремительной гонимке», — сказал мне знакомый американец: он проделал недавно за рулем длинный путь от Атлантического до Тихого океана и обратно, по странам так и не видел.

Сегодня Америка похожа на ошалевший автобус, который мчится по скользкому от дождя потоку автострады. В машине много пассажиров, у них разные цели, они не смогли договориться между собой о пункте назначения. Одержимый водитель гонит машину на предельной скорости, его отделил от пассажиров толстое стекло, переговорное устройство испорчено, но он этого не замечает: его внимание приковано к дороге, на которой много крутых поворотов, к машинам, которые несутся вперед и позади... Куда приведет опасный рейс?

НЬЮ-ЙОРК—ВАШИНГТОН—МОСКВА